

Ольга Шах

**КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧЬ
ЗАМУЖ НЕ ЖЕЛАЕТ**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Ш31

Шах О.

Ш31 Купеческая дочь замуж не желает / Ольга Шах – М.: Литнет, 2025. – 578 с.

ISBN 978-5-521-93833-9

Нелепая, случайная гибель в моем мире привела меня к попаданию в другой мир. Добро бы, в тело принцессы или, на худой конец, графской дочери! Так нет же, попала в тело избалованной, капризной дочки в безмагический мир и без каких-либо магических плюшек для меня. Вроде бы. Зато тут меня замуж выдают! За плешивого аристократа. Ну, уж нет! Замуж не пойду! Лучше уж разоренное поместье поеду поднимать. И уважение отца завоевывать. Заодно и жениха для себя воспитаю! А насчёт магии - это мы ещё посмотрим! Это вы ещё земных женщин не встречали! Обложка Елены Орловой.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93833-9

© Литнет, 2025
© О. Шах, 2025

Пролог

*Купеческая дочь. Белая Долина.
Душа блуждала по мирам,
Искала счастье и надежду.
Она была не та, что прежде,
Уже не верила мечтам.
И заблудившись среди миров,
Она застряла между ними.
Греха путь выбрать иль святыни?
Как сбросить груз своих оков?
Кто знает... Может быть сейчас
Она всё там, на тех же тропах.
И в тех же мыслях и заботах.
Всё на распутье. Ищет нас.
Сеять разумное, доброе, вечное
– всё равно, что сеять пшеницу,
картофель, горох.
Выживет сильнейший.*

Я припарковалась в заваленном снегом дворе, где скучковались три старенькие пятиэтажки-хрущевки. Когда-то я выросла в этом дворе, потом здесь остались жить мои родители, а я ушла во взрослый мир. Сил не было выйти из машины. Положив голову на скрещенные на руле руки, долго сидела, пытаясь осмыслить все происшедшее со мной за последний месяц.

Всего за месяц вдребезги разлетелась вся моя, казалось бы, благополучная и почти счастливая жизнь. Месяц назад я была удачливой бизнесвумен, почти счастливой женой. Но это было месяц назад. А теперь... вот старенькая двушка – хрущевка в не самом престижном районе, машина, которая осталась от папы, сумка с моими вещами и свидетельство о разводе в моей сумочке. Уди-

вительно, что сумочку у меня не отсудили, всё-таки Гуччи, стоит приличных денег.

Я начала смеяться, не могла остановиться, постепенно смех переходил в рыдания, я просто захлебывалась слезами, некрасиво размазывая слезы и, возможно сопли, по лицу. Весь этот кошмарный месяц я не заплакала ни разу, даже когда судья зачитывал решение о разводе и разделе имущества, я стояла с совершенно сухими глазами, прямая, как натянутая струна. И даже, кажется, все звенело во мне от напряжения, как та струна.

Наконец вырвав все, что смогла, вытерла салфеткой лицо и стала размышлять, как же все так вышло. Когда я допустила такую ошибку? Когда обалдевший от счастья невестой, только-только получившей диплом педагога математики, стояла в ЗАГСе и говорила гордо: «Да!»?

Или, в 90-е, отчаявшись от безденежья, заняв у родителей их сбережения, купила халупу с участком в ближнем пригороде и развела огород на все два гектара, на котором пахала с утра и до ночи? Изредка помогал отец, здоровье мамы вовсе не позволяло ей такие нагрузки, а папа тоже как мог, обеспечивал достаток в доме. Мой любимый муж, Костенька, не мог заниматься этим, как он сказал, непроеводительным трудом, он работал в НИИ, «двигал науку».

Это потом я узнала, что институт тот практически развалился, сотрудники приходили и просто отсиживали время. Тогда я этого не знала, беспокоилась, чтобы Костя не переживал о куске хлеба, куда поехать отдыхать. Он так уставал в своей научной деятельности, а тут я со своим огородом, не успела приготовить ужин и не погладила свежую рубашку, а что мне делать-то особо?

Ведь, как говорила моя свекровь, Эмилия Владиславовна, ни детей, ни работы у меня нет. Работу я действительно потеряла, когда расформировали мою школу, укрупнив в соседнем микрорайоне другую. А детей нет, вначале Костя меня уговаривал подождать с детьми, потом 90-е, а потом и возраст, стало страшно родить

ребенка. А Костя вначале ничего не говорил, потом стал показательно вздыхать, встречая на прогулке или в каком другом месте семьи с детьми, усугубляя мое чувство вины, что не могу дать ему желанное дитя.

Потом, когда немного наладились дела, и оказалось, что мои экологические овощи пользуются спросом, я ещё купила земли, наняла рабочих, поставили ферму с молочным стадом и даже купила небольшое стадо коз, оказалось, что козье молоко тоже востребованный товар. Организовала «Агрохолдинг Заречный», появился свой бренд. Дела пошли неплохо, долг родителям давно выплачен, куплен особняк в престижном загородном поселке, дорогая машина для Кости, мне хватало и моего маленького внедорожника Suzuki, чтобы носиться по полям. Гендиректором была я, но Костя тоже числился в совете директоров. После того, как его институт благополучно сгинул вовсе, Костя попробовал заняться бизнесом, не получилось, и под громкие причитания Эмилии Владиславовны я взяла его к себе в холдинг.

А месяц назад все внезапно кончилось. Ко мне пришел известный в городе адвокат и сообщил, что он является поверенным моего мужа. Оказалось, что Константин подал на развод и предложил мне развестись мне по – быстрому, и по – хорошему. Так как мне, оказывается, давно ничего не принадлежит. Дом, машины, сам холдинг мною лично переданы в собственность мужа, и управляла холдингом я только по разрешению мужа и акции тоже все на его имя переведены. Наши общие счета пусты, деньги выведены. Вот так.

Я сидела оглушенная и не могла понять, как это получилось, графологическая экспертиза подтвердила, что подписи везде мои. И только после последнего суда все выяснилось, моя секретарша Танечка давно была Косте второй женой, и они даже имели совместного ребенка.

Вот она и подсовывали мне на подпись бумаги, иной раз при тотальной нехватке времени я подписывала на ходу. И теперь осталась

я с небольшим количеством тряпок, старой отцовской Тойотой и маленькой квартирой. Это отсудить не смогли. Или уж не рискнули совсем зарваться, даже продажная судья не поверила бы в такое. Ладно, сиди, не сиди, ничего не изменится. Вышла из машины, перехватила поудобнее сумку с вещами, дамскую сумку, и пошла по направлению к своему подъезду. Подойдя к крыльцу подъезда, поставила сумку на снег, начала искать ключи, наклоняясь над ней. Шума съезжающего с крыши ледяного пласта я не успела услышать, так же как и отскочить в сторону...

Глава 1

*В чужое тело
Душа влетела.
Процесс надёжен,
А сбой возможен.
И даже выше
Небесной крыши.
И в чуждом теле
Мы жить умели.
Ведь кто-то тоже
Промазать может.*

Мне слышался то ли какой-то комариный писк, то ли звон, он приближался, удалялся, но не замолкал. Глаза упорно не хотели открываться, писк раздражал, но и что-то мякнуть у меня не получалось. Мысли плыли вялые, как в тягучем сиропе. Вот я подхожу к крыльцу, ищу ключи... темнота, тишина.

Я упала? Лежу в больнице? И пищит следящая аппаратура? Постепенно тягучесть проходила, мысли стали более четкие. Болели ребра, вся грудная клетка. И тут начался кашель, надсадный, потрясающий все тело. Кто-то подскочил ко мне, повернул на бок и немного приподнял, облегчая приступ. Ещё подумалось к чему-то, как же легко мою тушку подняли и повернули... не сказать, что слишком я габаритная, но возрастная полнота женщины 40+ имелаась, да.

— Дышите, лэрина, дышите лучше!

Голосок был тонкий и звонкий, это его я и приняла за писк медтехники. Тут же подумалось: «Какая, к чертям, лэрина, где я?».

Накашлявшись от души, ещё немного полежала с закрытыми глазами. Потом все-таки решилась и открыла глаза. Сиреневое небо? Что за бред! Поморгав для надёжности, ещё раз посмотрела вверх. Фух, не небо, это какая-то сиреневая тряпка над кроватью висит,

с пошлыми рюшечками. Как его, балдахин, что ли? Откуда в больнице балдахин? И где тут лэрина? Что за чушь лезет в голову. Скопив глаза в сторону, попыталась сориентироваться в пространстве. Нет, на больничную палату это вовсе не похоже.

Напротив кровати стоял чудной туалетный столик, на нем толпилась уйма разных баночек и флакончиков, валялись брошенные расчёски, ленты, бусы. Возле столика стояло не менее чудное креслице, все такое хлипкое, резное, сядь – развалится. Возле постели стоял стул, на нем тазик с какой-то зеленоватой жидкостью, в которой плавала тряпка. На подоконнике стоял кувшин и стакан рядом. Какое окно, не видно с моего места.

Все выглядело старинным, как в историческом фильме. Я чокнулась-таки на фоне стресса или просто брежу? Или бредю? Всерьез задумалась над этим словом, но мои филологические раскопки прервал опять этот голос:

– Ой, лэрина Маринелла, вы глазки открыли! Побегу, лекаря позову!

Стоять, какая Маринелла, что ещё за на фиг? Мариной меня зовут. Но обладательница комариного писка уже унеслась, я толком и не рассмотрела ее.

Оставшись одна, попыталась немного подтянуться наверх, чтобы слегка приподняться на подушках. Когда мне это удалось, я уже была вся в поту и тряслась от слабости. Зато обзор был более полный. Возлежалась я телом на пышной постели с кучей подушек, все отвратительно сиреневого цвета, с другой стороны кровати в стене были ещё две двери, и напротив кровати прямо – еще одна, видимо входная. Ковер на полу, не сиреневый, а кремового цвета, разнообразия ради.

Руки сами нервно начали перебирать кромку пододеяльника, была у меня такая дурная привычка – в минуты волнения теревить что-то. Руки? Я перевела взгляд на руки. Это что за руки? Я поднесла руки чуть не к самому носу, разглядывая их и не веря глазам

своим. Это были не мои руки! Узкие ладони с тонкими пальцами, нежная, холеная кожа. Где мои загорелые, поцарапанные руки с мозолями от руля, вечно забываю надевать перчатки. Здравствуй, шиза? Или что похуже? Как оказалось далее – хуже некуда.

Пока я сидела с выпученными глазами и штормом в голове, в комнату ко мне, болезной, влетела давешняя девица, за ней таким колобком вкатился невысокий толстенький мужичок в старинном камзоле с высоким воротником, подпирающим пухлые щеки, за ним прошествовала, вот именно прошествовала, сухопарая дама с недовольно поджатыми губами. «Стерва», машинально отметила интуиция. На всякий случай я скорчила независимый вид и решила побыть партизанской разведчицей.

– Ну, как вы себя чувствуете, лэрина? Сегодня меньше кашляете?

Это что, я ещё больше кашляла? Мне казалось, я и так сейчас кашляла до перелома ребер. Но мужичок и не ждал от меня ответа, и был до отвращения жизнерадостен и продолжал:

– А глазки открыли, это просто хорошо! Вы меня слышите?

Я неопределенно мотнула головой, пусть думает, что хочет. Мне бы понять, что происходит, так что молчи, Марина! Этот лекарь достал, какую-то трубку и приготовился послушать мне лёгкие. Прямо через одежду. Интересно, что он там услышит, кроме шелеста ткани. Пощупав мне лоб и посчитав пульс, изрёк:

– Горячка прошла, теперь ослабление организма осталось, кашель тоже пройдет, пусть зелье пьет.

Вытащил из музейного саквояжа фиал зелёного стекла этак на пол – литра объемом. И выкатился прочь таким же колобком из комнаты. Сухопарая дама, поджав ещё сильнее губы, хотя куда уж сильнее, произнесла:

– Лимка, лэрине поменяй сорочку и постель, да оботри ее. Я распоржусь на кухне, бульон принесут.

Уже хлеб, девчонка Лимка, а мадам-с кто у нас? Я перевела взгляд с закрывшейся двери за мымрой на Лимку. Она, верно, поняла мой взгляд и затараторила:

– Ой, да ладно, лэрина Зелина всегда такая сердитая и недовольная, да вы-то, лэрина, ее не боитесь. Она вам ничего не сделает, вы ж всегда можете папеньке на нее пожаловаться. Ой!

Девчонка внезапно осеклась и виновато взглянула на меня. Но быстро опомнилась и затрещала вновь:

– А вот ручки поднимите, я сорочку сейчас сниму, водичкой с душицей вас всю оботру, и чистую сорочку наденем, а потом в креселке посидите, я постельку сменю да взобью...

От ее треска в голове что-то начало постреливать, но я терпела, мне нужна была информация, да и в креселко мне хотелось – там зеркало было. Но вначале не худо было бы найти более укромный уголок для личных дел. И тут Лимка проявила расторопность, предложив проводить меня до удобств, даже без моей просьбы. У меня что, в глазах плакат виден с моими желаниями?

Как я шла, пытаюсь все время завалиться на худосочную Лимку – отдельная песня. Скорбная. Вернувшись в спальню и плюхнувшись кулем на постель, позволила ей снять с себя сорочку. Да, у меня не только руки тонкие, но и вся я внезапно стала весьма стройной, если не сказать, тощеватой. И моя уверенная троечка вдруг превратилась если не в минус один, то близко к этому. Это что магическая диета такая?

Зря я боялась, что креслице развалится. Когда меня, обтертую и в свежем балахоне до пят, водрузили в него, креслице даже не шелохнулось. Пока Лимка пыль гоняла, размахивая простынями, я осторожно повернулась к зеркалу. Хорошо, что я сидела. И многолетняя привычка держать лицо помогла. Потому что из зеркала смотрела на меня совсем не я. Вот совсем. Девушка в зеркале поднесла руку к лицу, ощупывая его.

Я опять с недоверием посмотрела в зеркало, пошевелила пальцами. Девушка в отражении тоже. Я закрыла глаза, помотала головой, тьфу, сгинь глюк! Открыла глаза – из зеркала на меня смотрела худенькая бледная девушка лет двадцати на вид, с серыми глазами,